

Александр Гусев

Одесский Международный Кинофестиваль

Хочу поблагодарить отборщиков фестиваля за то, что мне не пришлось во время просмотра фильмов национального конкурса испытывать стыд перед моими иностранными коллегами. Впрочем, хотя эстетические качества фильмов почти не вызывали неловкости, была одна картина, которую я, как, полагаю, и большинство зрителей из числа моих соотечественников смотрел с чувством стыда иного рода. Это полемичное, бескомпромиссно честное произведение показывает, как исторические трагедии нашего прошлого, не получившие должного осмысления, а подчас и сознательно замалчивающиеся, находят драматическое отражение в нашей современности. Но, с нашей точки зрения, само создание этого фильма, его нравственный посыл, возможность увидеть его полную, не урезанную версию- вопреки неудовольствию той или иной части аудитории, -является убедительным свидетельством позитивных изменений в нашем обществе и обоснованности наших надежд на лучшее завтра.

В одном из лучших эпизодов «Такси» Джафара Панахи племянница режиссёра читает официальный перечень тем и образов, которые делают кинофильм неприемлемым для демонстрации в Исламской республике.

Быть может, наиболее убедительным на Одесском кинофестивале свидетельством, что Украина в настоящее время совсем не похожа на Иран, стала демонстрация в национальном конкурсе «Диббука» Кшиштофа Копчинского, фильма, к которому так и напрашиваются определения «неудобный», «неприятный», «несвоевременный».

Фильм действительно с полным правом можно назвать несвоевременным- подобные произведения следовало создавать и распространять гораздо раньше, что позволило бы, быть может, избежать многих из проблем нашей драматичной современности.

Одним из главных достоинств этой картины о взаимоотношениях паломников-хасидов и жителей Умани- не о пересечении их миров, на самом деле, вовсе не пересекающихся, не смешивающихся, как вода и масло, и даже не столько об их столкновении, а, скорее, об их касаниях и трениях, -является то, что его с равным успехом можно назвать как антисемитским, так и антиукраинским. Поскольку в действительности в нём говорится вовсе не о характерных недостатках конкретных народов, а о нашем общей, общечеловеческой приверженности стереотипам, о нашей неприязни к чужому, которое мы спешим определить как чуждое и враждебное, о неискоренимости наших исторических предрассудков и истоках ксенофобии. Это фильм о нашем неумении понимать, о нашей неспособности прощать, нашем нежелании каяться. Фильм о собственно диббуках, неприкаянных душах неоплаканных жертв катаклизмов нашей несчастной истории, за страдания которых мы, отказывающиеся признавать грехи наших предков, несём расплату до сих пор.

Разумеется, на меня, как на христианина и гражданина Украины, гораздо более сильное, болезненное впечатление произвели «украинские», а не «хасидские» эпизоды. Перед началом показа было сказано, что одесские зрители впервые увидят полную версию 86-минутной картины, которая на представлении в Держкино была сокращена на 25 минут; я бы сказал, для Держкино её следовало сократить ещё сильнее.

Разумеется, фразы простых жителей о том, что истребление евреев войсками Хмельницкого стало важным этапом обретения Украиной

своей независимости, можно воспринимать как бред случайных городских сумасшедших, к которым не стоит относиться всерьёз. Но как отделаться, как отмахнуться от школьного урока истории с его смесью слезливой сентиментальности и почти сладострастного описания пыток, урока, в котором детей учат считать героями Гонту и Максима Железняка? Признаться, в сравнении с этим бледнеют мои школьные воспоминания об уроках, прославлявших Дзержинского или Павлика Морозова. Какой может стать система нравственных ценностей в армии, где солдат призывают следовать примеру тех же Гонты и Железняка, защищая, подобно им, своих побратимов-украинцев? Чего можно ожидать от культурной политики страны, где городские власти возводят памятник губителю города?

Замечу, что Гонта, разумеется, вовсе не убивал своих окатоличенных детей и, насколько я помню, не только пытался остановить резню, но и сумел многих спасти, и вся его вина состояла лишь в том, что он сдал- из лучших побуждений, конечно же, - в руки лютого врага город, который призван был защищать. Но простые жители, школьная учительница и офицеры прославляют его именно как героя поэмы Шевченко, как организатора уманской резни и детоубийцу.

Но чего можно ожидать от образа Гонты (да смилостивится Господь над его душой), если даже Распятие предстаёт здесь меткой этнической принадлежности и способом оскорбления? И кому воздастся сильнее, страшнее- иудею, проклинающему Христа, в Котором он никогда не видел Спасителя и Чей образ возник на месте его собственной святыни, или «христианину», пытающемуся использовать символ своей веры, символ покаяния и смирения, символ любви и прощения для утверждения своего национального превосходства, для унижения инородцев, для провоцирования ненависти и вражды?

В этом контексте свержение памятника Ленину в финале фильма выглядит не столь уж жизнеутверждающе оптимистичным- как уже знает зритель ленты, на опустевшем постаменте вполне может возникнуть идол другому разрушителю и убийце.

Но основания для оптимизма, разумеется, есть, в том числе и то, что в нашей стране снимают- и показывают, -подобные фильмы.